

# МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

**Н.В. Анисимов, И.В. Пчеловодова**

**Николай Владимирович Анисимов** | <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562> | [kyldysin@yandex.ru](mailto:kyldysin@yandex.ru) | PhD, старший научный сотрудник отдела фольклористики | Эстонский литературный музей (ул. Ванемуйзе 42, Тарту, 51003, Эстония) | научный сотрудник отдела филологических исследований | Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ул. Ломоносова 4, Ижевск, 426004, Россия)

**Ирина Вячеславовна Пчеловодова** | <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100> | [orimush@mail.ru](mailto:orimush@mail.ru) | к. филол. н., старший научный сотрудник отдела филологических исследований | Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ул. Ломоносова 4, Ижевск, 426004, Россия)

## *Ключевые слова*

закамские удмурты, культ предков, похоронно-поминальные обряды, коммуникация с миром мертвых, песенный фольклор, похоронно-поминальные песни

## *Аннотация*

Статья посвящена описанию и анализу музыкально-песенного фольклора закамских удмуртов в контексте похоронно-поминальной обрядности. На примере имеющихся публикаций, архивных и полевых материалов рассматриваются функционирование, символика, терминологические и музыкально-поэтические аспекты песен/напевов внутри обрядов погребения и поминовения. Изученные нами источники свидетельствуют о сильном влиянии соседней тюркской песенной культуры. Анализ похоронно-поминальных песен закамских удмуртов показал, что одного типового напева не существует и можно говорить о бытовании нескольких локальных характерных напевов. В большинстве случаев в качестве похоронно-поминальных исполняются гостевые напевы, лирические и авторские песни. Последние в музыкальном отношении имеют непосредственную связь с культурой соседних тюркских этносов (татар, башкир, отчасти чувашей). Включение авторских песен в ритуальный контекст объясняется тем, что они позволяют выразить сильные эмоции, проявление которых в повседневной жизни не приветствуется. В целом исследование подтвердило коммуникативную роль исполнения песен в сакральном диалоге миров в рамках похоронно-поминальной обрядности.

---

Статья поступила 06.05.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 02.08.2024  
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Анисимов Н.В., Пчеловодова И.В. Музыкально-песенный фольклор в контексте похоронно-поминальной традиции закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2025. № 1. С. 177–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP

Anisimov, N.V., and I.V. Pchelovodova. 2025. Myzkal'no-pesennyi folklor v kontekste pohoronno-pominal'noi traditsii zakamskikh udmurtov [Musical-Song Folklore in the Context of Funeral-Memorial Tradition of the Eastern Udmurts]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 177–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP

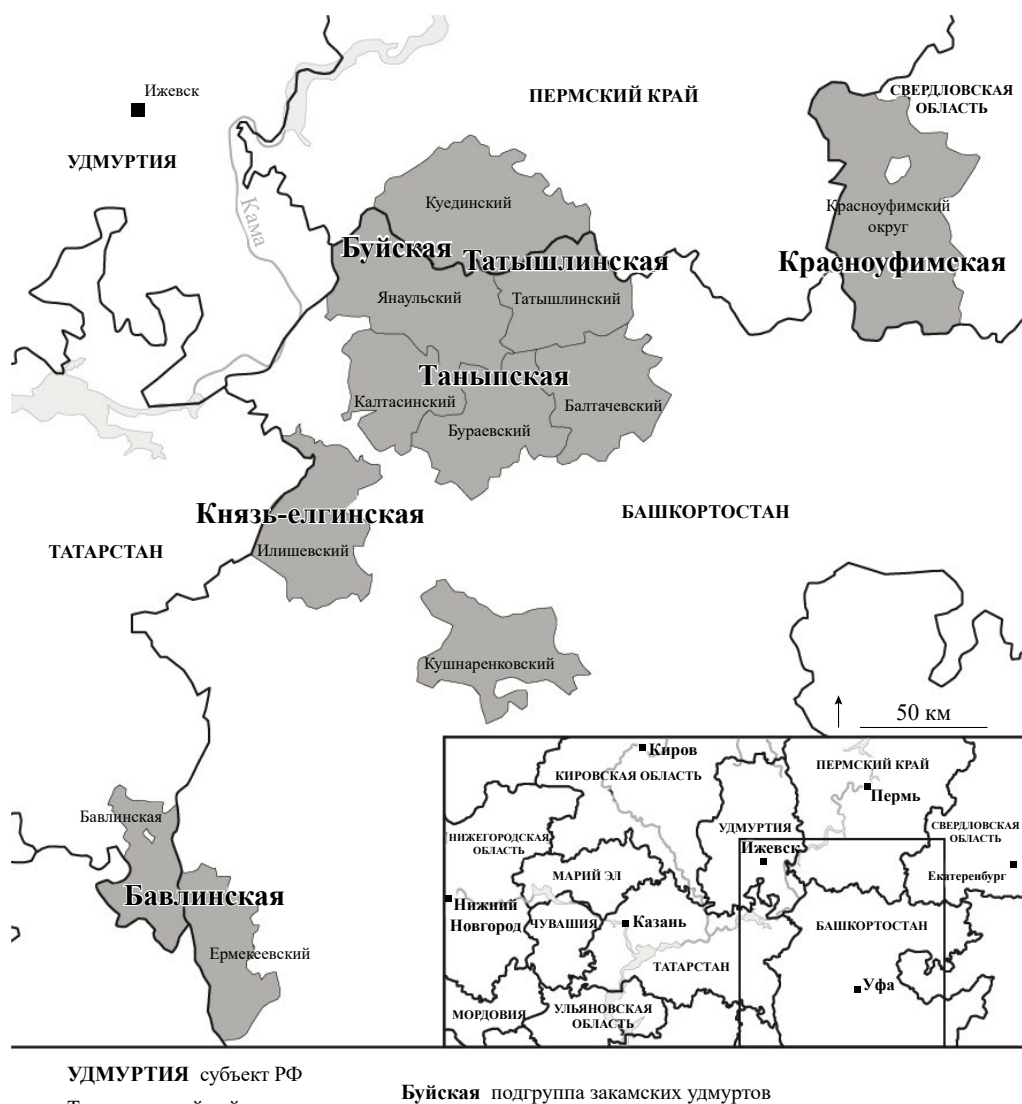
Закамские удмурты представляют собой отдельную локальную группу. Их название связано с местом проживания относительно Удмуртской Республики (далее — УР) — за р. Камой. Представители этой этнической общности компактно расселены в Балтачевском, Бураевском, Илишевском, Калтасинском, Кушнаренковском, Татышлинском, Янаульском районах Республики Башкортостан (далее — РБ) и Куединском р-не Пермского края (далее — ПК) (см. Рис. 1). К закамским удмуртам ряд ученых относит представителей бавлинской (Бавлинский р-н Республики Татарстан [далее — РТ] и Еремеевский р-н РБ) и красноуфимской (Красноуфимский р-н Свердловской обл.) подгрупп (Насибуллин 1972; Миннихметова 2000, 2003; Садиков 2001, 2008, 2019). Заметим, что в прошлом вопрос о включении в состав закамской группы бавлинских удмуртов вызывал некоторые споры и дискуссии из-за исторических, культурных и социальных отличительных особенностей последних, а некоторые этнографические и лингвистические исследования определяют бавлинских удмуртов как самостоятельную группу (Тараканов 1958; Косарева 2000: 162–163; Атаманов 2004, 2005: 113; Кельмаков 2006: 42).

Закамская группа сформировалась в результате трех волн миграции удмуртов на территории современной РБ в XVI–XVIII вв.: первая относится к XVI в. и стала следствием падения Казанского ханства и дальнейших событий; вторая, связанная с введением подушной подати, пришлась на начало XVIII в.; третья, в середине XVIII в., была спровоцирована насильственной христианизацией нерусского населения (Луппов 1901: 214–215; Атаманов 2005: 116–119; Никитина 2016: 42).

Похоронно-поминальная обрядность удмуртов относится к разряду переходных, она репрезентирует древние религиозные воззрения, отражает мифологические представления о миропонимании, а также особые взаимоотношения обитателей мира живых и мертвых. В традиции закамских удмуртов эта обрядность представлена несколькими этапами: подготовка к похоронам; ночное бдение; общественное прощание; похороны; частные поминки на 3, 7, 40 дни и годовщину; обряд жертвоприношения животного покойному родителю спустя год и более. Далее следуют поминания во время календарных и семейных праздников и окказиональных церемоний. Зафиксировано также бытование особого поминального ритуала, совершаемого каждые три года.

Если исследованию похоронно-поминальных обрядов закамских удмуртов посвящено немало работ (см.: Wichmann 1894; Христолюбова, Миннихметова 1994: 41–44, 2001; Черных 1995; Лалукка и др. 2014; Садиков 2017, 2019: 193–236; Анисимов 2022), то песенная традиция в контексте этих обрядов никогда еще не была объектом пристального внимания. И только отдельные аспекты музыкально-песенного фольклора закамских удмуртов были проанализированы в нескольких научных публикациях (Миннихметова 1989; Vikár, Bereczki 1989; Нуриева 2013; Смирнова, Бочкарева 2020; Пчеловодова, Анисимов 2020, 2022) и дипломных работах (Камалтдинова 2007; Бочкарева 2020).

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть значение и роль музыкально-песенного фольклора в контексте похоронно-поминальной традиции закамских удмуртов. Для исследования были использованы опубликованные материалы, экспедиционные записи сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы (далее — УИИЯЛ) Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, хранящиеся в Научном архиве института, а также полевые записи Н.В. Анисимова, сделанные в ходе поездок к закамским



**Рис. 1.** Ареалы компактного расселения закамских удмуртов по классификации Р.Р. Садикова (автор В. Дотанкур)

удмуртам в период с 2016 по 2023 гг. в Балтачевский, Бураевский, Калтасинский, Татышлинский и Янаульский районы РБ.

В удмуртской культуре в переходные (кризисные, т.е. связанные с глубокими изменениями) моменты жизни, такие как похороны, замужество, отправление на военную службу, наряду с песней всегда присутствует плач<sup>1</sup>. Оба явления не только имеют психологическое значение, но и несут семантическую и символическую нагрузку, отражающую трансформационные процессы. По словам информантов, песня помогает выплакаться, успокоить опечалившееся сердце:

...исполняя песню и выплакаться легче (*кырзаса бөрдыны но кәпчигес луэ*) (ПМА 3: Суфиярова);

если плачешь, и сердце смягчается (*бөрдйськод ке, нош сюлэм но небэе индэ*); плачешь — слезы льются, и онемение сердца проходит (*бөрдйськод — синкыли потэ, катэм быре ини сюлэмедлы*); если пою, если плачу, вся печаль отступает (*кырзасько ке, бөрдйсько ке, вань куйыке таралэ*) (ПМА 8).

В целом можно сказать, что исполнение песен на похоронах и поминках выполняет три важные функции. Оно служит: 1) для психофизиологического разрядки обстановки, выплескивания эмоций; 2) для объединения коллектива через соучастие в одном ритуальном событии; 3) для коммуникативного альтернативного общения, в котором осознанно используется специфический стиль взаимодействия с иным миром.

В традиции закамских удмуртов бытует несколько обозначений песен, обслуживающих похоронно-поминальные обряды. Одни из них указывают на сам обряд и непосредственно на ситуацию исполнения напева: похоронный напев (букв.: похоронный напев/напев похорон покойника) (*октон күй/шөй октон күй*); напев [исполняемый] во время [нахождения в доме] покойника (*кулэм мурт дыръя күй*); напев проводов покойника (*шөй келян күй/шөй келякы күй/кулэм шөй келян гүй/кулэм мурт келян куй/кулэм келян*); напев [исполняемый] возле покойного (*кулэм мурт дорын гүй/шөй дорын күй*); [напев, исполняемый] во время похорон (букв.: [напев, исполняемый] во время покойника) (*мурт кулөкө [күй]*); напев для покойника (букв.: напев во время покойника) (*кулэм вылын гүй*). Другие делают акцент на эмоциональной стороне: горестная песня (*дөж кырзан*); скорбный напев (*кайгөрон күй*); скорбная песня/напев (*кө<sup>о</sup>ткуректон көрзан/күй*). Кроме того, бытуют именные напевы, в названии которых обозначается имя человека, связанного с данной песней. Так, по словам Насипуллиной Анатолия Гарифуллиновича (1951 г.р.), приведенный ниже напев исполнял его пожилой сосед Апкарим. От Апкарима этот напев выучили родители Анатолия Гарифуллиновича, а от них — и он сам:

*Апкарим күй/Шөй дорын күй*

*Герей но күзя(й)ын вож-вож сутэр,*

*Оген-оген гынэ, ла, кисьмалоз,  
Оген-оген гынэ, ла, кисьмалоз.*

*Милемыз но сөд музеймы  
Оген-оген гынэ, ла, бичалоз,  
Оген-оген гынэ, ла, бичалоз.*

*Туэ но турымез мон өй турна,  
Намерпуткаёсыз но жаяся,  
Намерпуткаёсыз но жаяся.*

*Сәхрае потыса ог күй кырзай,  
Орчем гымыркайёсме жаяся,  
Орчем гымыркайёсме жаяся.*

**Напев Апкарима/Напев [исполняемый]  
возле покойного**

Вдоль [реки] Герейки зеленая-зеленая  
смородина,

По одной яголке только, ла, она созреет,  
По одной яголке только, ла, она созреет.

Так и нас наша черная земля  
По одному только, ла, станет собирать,  
По одному только, ла, станет собирать.

И нынче травушку я не косила,  
Жалея да кусты костяники,  
Жалея да кусты костяники.

Выйдя на приволье, один напев спела,  
Жалея прошедшей своей жизни век,  
Жалея прошедшей своей жизни век (ПМА 3).



**Рис. 2.** Нотный пример. *Аңкарим күй/Шөй дорын күй* — Напев Апкарима/Напев [исполняемый] возле покойного (ПМА 3. Расшифровка Е.А. Софроновой)

В некоторых случаях сам человек при жизни наказывает, какие песни должны звучать на его похоронах. Если покойный был искусным в пении и часто пел, при погребении старались исполнить его любимые песни. В с. Каймашабаш Янаульского р-на РБ наши информантки-сестры, в частности, отметили, что после смерти матери они пели ее песни: “Мы вот мать проводили <...> Какие она песни пела, [мы] все их спели” (*Ми бон тани, анаймес келямы индэ <...> Кыше со кырзанъёсыз кырза вал, соосыз долак кырзамы*) (ПМА 4: Бадретдинова, Богданова). Иногда, вспоминая покойных родителей, могут исполнить их напевы: напев матери (*анайлэн/анкайлэн гүез/күез*), напев отца (*атайлэн/аткайлэн гүез/күез*):

#### *Анайлэн гүез*

*Уфае но мөн[ө]тэк кыли  
Уфа замны уакытэ.  
Ырәкәттэз адытэк кыли,  
Самой пинал уакытам.  
Ырәкәттэз адытэк кыли,  
Самой пинал уакытам.*

*Пинал(ы) дырғям пинал ҙырам  
Өй изья мон чагыр шет.  
Азылапалзэ уг тодйськы,  
Орччем гымыре ҙәргес жалъ.  
Азылапалзэ уг тодйськы,  
Орччем гымыре ҙәргес жалъ.*

*“Уйы чир(ы)дэ”, — шуиськоды.  
Кикү сйле өвөл-а?*  
*“Нунал орчче”, — шуиськоды.  
Гымыр орчче өвөл-а(у)?  
“Нунал орчче”, — шуиськоды.  
Гымыр орчче өвөл-а(у)?*

#### **Напев матери**

Осталась, не поехала в Уфу,  
В [самую] красивую пору Уфы.  
Осталась, не увидев блага,  
В свою самую молодую пору.  
Осталась, не увидев блага,  
В свою самую молодую пору.

По молодости свою молодую головушку  
Не покрывала я голубым платком.  
О [своем] будущем я не знаю,  
Больше жаль мне свою ушедшую молодость.  
О [своем] будущем я не знаю,  
Больше жаль мне прошедшую молодость.

“Соловей поет”, — говорите.  
Не кукушка ли кукует?  
“День проходит”, — говорите.  
Не жизни ли век проходит?  
“День проходит”, — говорите.  
Не жизни ли век проходит? (ПМА 4)

Исполнение песен в похоронно-поминальных обрядах отмечается уже с момента ночного бдения (*уй пукет*) у гроба покойника. Однако если человек умер молодым, пение во время ночного бдения не приветствуется. Как правило,

запеваает один из участников церемонии, а затем подхватывают остальные. Вынос гроба также сопровождается песнями. Информанты отмечают, что раньше покойника с песней провожали до разделительной границы между окультуренным и неокультуренным пространствами; границей служили полевые ворота (*бусы капка*). В отдельных деревнях, когда умершего везут на кладбище, исполняют скорбные песни под гармошку или тальянку (Садиков 2019: 206; ПМА 9). В с. Шудек Янаульского р-на РБ отметили, что во время похорон (*шй октон*) и поминок (*кисьтон*) должны быть исполнены как минимум три горестных напева (ПМА 5: Гараева).

Поминальные напевы звучат и во время проведения поминок на 3, 7, 40 дни и годовщину. Так, в д. Верхний Тыхтем Калтасинского р-на РБ в день частных поминок, провожая душу покойного, поют поминальные песни, которые здесь обозначают как *кисьтон кйй* (Садиков 2019: 209). В с. Большекачаково этого же района в 2022 г. Н.В. Анисимовым зафиксировано в аналогичной ситуации опрокидывание у ворот пищевых даров и исполнение поминального напева *кисьтонын келяськыку* (букв.: [напев, исполняемый] во время проводов [души] на поминках).

Традиционно поминальные напевы исполняются на удмуртском и татарском языках, нередко оба языка используются в одной песне:

#### *Шйй келякы гуй*

*Гур(ы) котыр(ы)тйй бер(ы)гай, бер(ы)гай,  
Ой шйдты пер(ы)сят(ы)каме шол.  
Шай(ы) котыр(ы)тйй бер(ы)гай, бер(ы)гай,  
Ой(ы) шйдты аныкайме,  
Шай(ы) котыр(ы)тйй бер(ы)гай, бер(ы)гай,  
Ой(ы) шйдты аныкайме.*

*Чагыр(ы) куко лампукае  
Жугыт жуа вал гой со шол.  
Сйёд синкашо аныкае/ Сйёд сим(ы)дурьем  
аныкае  
Кыл(ы) уз(ы) вера вал(ы) гой(ы) со.  
Сйёд сим(ы)дурьем аныкае  
Кыл уз(ы) вера вал(ы) гой(ы) со.*

*Ат(ы)лар киле, ат(ы)лап, ат(ы)лап,  
Алма сиськесын тап(ы)-тап(ы) шул.  
Сагынган(ы)да карар идым(ы)  
Тыра кар ур(ы)ман(ы)лар(ы)да,  
Сагынган(ы)да карар идым(ы)  
Тыра кар ур(ы)ман(ы)лар(ы)да².*

#### **Напев проводов покойника**

Вокруг печи крутилась, крутилась,  
Не нашла ведь свою перчатку.  
Вокруг кладбища бродила, бродила,  
Не нашла свою матушку,  
Вокруг кладбища бродила, бродила,  
Не нашла свою матушку.

На голубой ножке моя лампа  
Ярко горела было ведь она.  
Чернобровая моя матушка

Не ругала ведь [меня] она.  
Чернобровая моя матушка  
Не ругала ведь [меня] она.

Лошади идут шагом, шагом,  
Топча яблони цвет.  
Во время тоски увиделась бы,  
Но [ведь] снег лежит в лесах,  
Во время тоски увиделась бы,  
Но [ведь] снег лежит в лесах (ПМА 5).

Одного типового напева не существует, но выделяется несколько характерных напевов, зафиксированных в разных населенных пунктах. Так, часто исполняется напев с нисходяще-восходящей мелодикой под разными обозначениями (похоронный напев — *октон куй*, [напев] проводов покойного — *кулон келян*, напев [исполняемый] возле покойного — *кулэм мурт дорын куй*, скорбный напев — *кайгырон куй*) (см. Рис. 3).

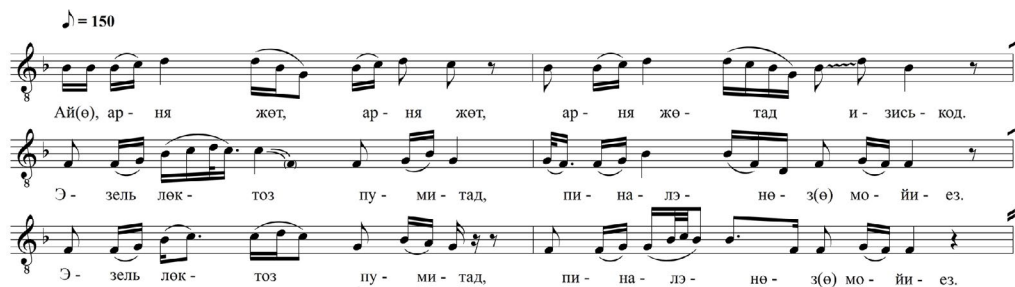


**Рис. 3.** Нотный пример. *Кулон келян [куй]* – [Напев] проводов покойного (ПМА 2. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

Широкий диапазон звукояров похоронных напевов объясняется особенностями их мелодического развития, когда начало музыкальной строфы звучит чаще в верхнем регистре — “захватывает верхнюю (иногда среднюю) часть звукояра с временной опорой (остановкой) на одном из средних тонов”, а завершение “строится на нижнем отрезке звукояра” (Кондратьев 2007: 98). Подобное развитие мелодики чувашский этномузыковед М.Г. Кондратьев обозначает как “фазовое” развертывание. Исполнение песен отличается количеством мелизматических украшений; темп зависит от состояния участников (см. Рис. 4, 5).



**Рис. 4.** Нотный пример. *Шѡй келякы гуй* – Напев проводов покойника (ПМА 5. Расшифровка Е.А. Софроновой)



**Рис. 5.** Нотный пример. *Мурт кулыкы [күй]* – [Напев] во время похорон (НА УИИ-ЯЛ 2. Расшифровка И.В. Пчелодовой)

В качестве похоронно-поминальных напевов достаточно часто используется распространенная в Удмуртии лирическая песня “Вож бадяр, ой, кадь ик...” (“Зеленый клен, ой, словно...”) и авторские песни. Приведем ниже в качестве примера одну из авторских песен (сл. местной поэтессы И. Самигуловой, муз. В. Самигулова):

**Кулэм мурт дыръя күй**

*Нимасько тонэ шунды,  
Нош малы уд пиштьськы?  
Нимасько тонэ толзэь,  
Уйёсы уд жузасьскы.*

*Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськисско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезьыт тол кадь кынмемед.  
Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськисско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезьыт тол кадь кынмемед.*

*Нимасько чуж италмас,  
Аззыны нош ик ёйлась.  
Нимасько чук торагай,  
Өд кырза, юмне нимай.*

*Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськисско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезьыт тол кадь кынмемед.  
Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськисско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезьыт тол кадь кынмемед.*

**Напев [исполняемый] во время [нахождения в доме] покойника**

Называю тебя солнцем,  
Так почему же не светишь?  
Называю тебя месяцем,  
[Но] по ночам не всходишь.

Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима.  
Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима.

Называю желтой купальницей,  
[Но] увидеть [тебя] вновь [расцветшим] не удалось.  
Называю утренним жаворонком,  
[Но] не пел [ты], зря называла.

Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима.  
Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима.



*Кызы гинэ ё'й нима,  
Маин но ё'й чошатъя,  
Тон астэ ачид нимад:  
“Бус” шуид — ышид пырак.*

Как только не называла,  
С чем только не сравнивала,  
Ты сам себя назвал:  
Сказал “Туман” — пропал навсегда.

*Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськиско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезыт тол кадь кынмемед.  
Нимасько мон, нимасько,  
Чошатско, синмаськиско,  
Нош уг луы валамед,  
Кезыт тол кадь кынмемед.*

Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима.  
Называю я, называю,  
Сравниваю, влюбляюсь,  
Но не можешь понять,  
[Ты] замерз, словно холодная зима (ПМА 7).

Если в содержании авторских песен отражается непосредственное отношение к соответствующим событиям, то в тексте народной лирической песни тема смерти, перекликающаяся с мотивом старения, противопоставляется теме молодости. Так, говорится, что тело, в молодости стройное, словно клен, по мере старения иссохнет, подобно ели/истлеет под землей; руки, напоминающие крепкие ветви сосны, со временем иссохнут как лучина; лицо с румяными щеками пожелтеет как лист и т.д.:

#### ***Шё'й октон күй***

*Вож(ө) бадяр, ой(ө), кадь ик,  
Вож(ө) мугорөд өй-а вал?  
Бөроз, дөр(ө), но табере,  
Сьё'д суй улөн сисьмөса.  
Бөроз, дөр(ө), но табере,  
Сьё'д суй улөн сисьмөса.*

*Пужөм(ө) вай, ой(ө), кадь ик,  
Суйёсөд но ё'й-а вал?  
Бөроз, дөр(ө), но табере,  
Кёс чаг сямен куасьмөса.  
Бөроз, дөр, но табере,  
Кёс чаг сямен куасьмөса.*

*Чуж мер(ө)ччан, ой(ө), кадь ик,  
Йөрсийёсөд ё'й-а вал?  
Бөроз, дөр(ө), но табере,  
Пөд вөллёсад куашкаса,  
Бөроз, дөр(ө), но табере,  
Пөд вөллёсад куашкаса.*

#### **Похоронный напев**

Зеленый клен, ой, словно,  
Не было ли твоё молодое тело?  
Сгинет, наверное, да теперь,  
Истлев под черной землей.  
Сгинет, наверное, да теперь,  
Истлев под черной землей.

Сосновые ветви, ой, словно,  
Не были ли твои руки?  
Сгинут, наверное, да теперь,  
Высохнув, словно сухая лучина.  
Сгинут, наверное, да теперь,  
Высохнув, словно сухая лучина.

Светлое льняное волокно, ой, словно,  
Не были ли твои [русые] волосы?  
Сгинут, наверное, да теперь,  
Опав к твоим ногам.  
Сгинут, наверное, да теперь,  
Опав к твоим ногам (ПМА 1).

В ходе полевых исследований были зафиксированы случаи использования музыкальных инструментов (чаще гармошки, тальянки, реже гитары, баяна и скрипки) в ситуации оплакивания и проводов умершего. В некоторых случаях игра на инструменте может сопровождаться пением участников прощальной

церемонии. На похоронах звучание музыкальных инструментов связано чаще всего с просьбой покойного, реже — с желанием близких родственников, а иногда и с тем, что сам покойный при жизни играл на инструменте, на котором играют при его погребении. В с. Нижнебалтачево Татышлинского р-на РБ на похороны особо уважаемых и именитых односельчан приглашают целый оркестр, что, скорее всего, соотносится с традициями советской гражданской панихиды.

Исполнение песен является также неперменной составной частью весенних и осенних поминок (*тулыс но сйзыл кисьтон*) (см. Рис. 6); поют во время застолья и обхода домов. Могут звучать как народные, так и авторские песни на удмуртском, татарском и русском языках.

У закамских удмуртов существует примета: как угостишь участников поминок и какую создашь при этом атмосферу, такими будут состояние и расположение предков. В связи с этим важной составляющей обряда является исполнение песен, чтобы, как говорят информанты, “украсить поминки” (*кисьтонэз жамлы карыны*). Поэтому здесь во время застолий, помимо похоронно-поминальных напевов/песен, могут звучать различные гостевые или так наз. старинные напевы *пересь/мййы куй*. При обрядовом посещении домов родственников во время шествия могут исполняться уличные напевы *урам куй* (Анисимов 2022: 175–176, 180).

В традиции буйских удмуртов (Куединский р-н ПК, Янаульский район РБ) спустя год и более после похорон в честь покойного родителя совершали специальный обряд жертвоприношения домашней скотины *лы келян* (букв.: отправление костей [жертвенного животного]), *улань вандон/улань*



Рис. 6. Поминальная трапеза во время весенних поминок *тулыс кисьтон*; с. Ураз-гильды Татышлинского р-на РБ, 2019 г. Фото Н.В. Анисимова

*вёсяськон/уллань сётон* (букв.: закалывание вниз/моление вниз/отдавание вниз), или *вал сюан* (букв.: лошадиная свадьба). Если поминали мужчину, в жертву обычно приносилась лошадь, а если женщину – корова. По словам информантов, раньше этот обряд мог позволить себе не каждый, поскольку достаточным количеством скотины владели лишь некоторые семьи. Обряд проходил в торжественной, веселой обстановке, собирались родственники и односельчане. После трапезы в доме покойного кости жертвенного животного ночью, незадолго до полуночи, относили на кладбище и вешали на дерево рядом с могилой умершего, которому адресовались эти дары. Иногда песни исполнялись под тальянку или гармошку. Обряд обслуживал специальный напев, сопровождающий проводы костей [жертвенного животного] *лы келян гүй*, который сегодня практически забыт, как и само поминальное жертвоприношение. Сведения о его бытовании сохранились лишь в памяти некоторых свидетелей-старожилов. По нашим сведениям, сам обряд еще функционирует в с. Вотская Ошья Янаульского р-на РБ (см. Рис. 7), однако обрядовый напев уже утерян.

В Научном архиве УИИЯЛ нам удалось обнаружить одну запись *лы келян гүй* из с. Шудек Янаульского р-на РБ. В данном примере напев исполнен на универсальную мелодию, которая может звучать как гостевая или лирическая песня; текст построен на четверостишиях необрядовой лирики, которые также могут быть исполнены в любом другом контексте (см. Рис. 8).



**Рис. 7.** Мужчина поправляет череп животного, принесенного в жертву во время обряда *уллань вандон* (букв.: закалывание вниз); с. Вотская Ошья Янаульского р-на РБ, 2016 г. Фото Н.В. Анисимова

♩ = 102

Мон а - ра-м[а]е-ти но, о - й(ы), по - ты - кым,      За - лы-ка - е кы-лиз гой,      бадь бор - ды(й),  
 За - лы-ка - е кы - лиз гой,      бадь бор - ды(у).  
 За - лы-ка - е өз кы-лы(у),      ай, бадь бор - ды(у),      Ы - ры-ка - е кы-лиз, ла,      зат бор - ды(й),  
 Ы - ры-ка - е кы-лиз гой,      зат бор - ды(у).

**Рис. 8.** Нотный пример. *Лы келян гүй* — Напев, сопровождающий проводы костей [жертвенного животного] (НА УИИЯЛ 1. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

*Мон арама[е]ти но, ой(ы), потыкым,  
 Залыкае кылиз гой, бадь борды(й),*

*Залыкае кылиз гой, бадь борды(у).*

*Залыкае өз кылы(у), ай, бадь борды(у),  
 Ырыкае кылиз, ла, зат борды(й),*

*Ырыкае кылиз гой, зат борды(у).*

Когда я проходила да, ой, через рощу,  
 Мой платочек остался ведь,

[зацепившись] на иве,  
 Мой платочек остался ведь, [зацепившись]  
 на иве.

Мой платочек не остался, ай, на иве,  
 Моя головушка осталась, ла, [жить] с  
 чужим,

Моя головушка осталась, ла, [жить] с  
 чужим (НА УИИЯЛ 1).

Ценной находкой стала запись *лы келян гүй* на мотив свадебного напева *вась-кали* и воспоминаний о проведении обряда жертвоприношения в 2023 г. в с. Кай-машабаш Янаульского р-на РБ (см. Рис. 9).

♩ = 132

Ба - ке - лы(ы)      лў - э - лэ,      мон тй - лед(ы)-лы баш - ма-к(ы) сё - тйсь - ко,  
 со - е      дэ - мен о - к(ы) си - е,      ог(ы)-дэс-ог(ы)-ды      эн бб - ле!  
 Ми тй - лед(ы)-лы пу - до сётс - ком,      ми-лесь-тым(ы) кы-лем пу - до - ез та - за во - зе,  
 ми - ле - мыз та - за ка - ре,      ми эш-шо сё-том тй - лед - лы пу - до, та - за ке ка - ри - ды.

**Рис. 9.** Нотный пример. *Лы келян гүй* — Напев, сопровождающий проводы костей [жертвенного животного]. (ПМА 10. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

<i>Бакель лүэлэ, мон тйледлы баш(ы)мак</i>	Примите, [умершие], я вам телочку
<i>сётйсько,</i>	отдаю,
<i>Сое дэмен ок(ы) сие, ог(ы)дэс-ог(ы)ды эн</i>	Ее вместе едите, друг друга не
<i>бёле!</i>	обделяйте!
<i>Ми тйлед(ы)лы пудо сётском,</i>	Мы вам скотинушку отдаем,
<i>милесьтым кылем пудоез таза возе,</i>	оставшуюся нашу скотинушку здоровой
	оберегайте,
<i>Милемыз таза каре, ми эшишо сетом</i>	Нас здоровыми сделайте, мы вам снова
<i>тйледлы пудо, таза ке кариды.</i>	скотинушку дадим, если здоровыми
	сделаете (ПМА 10).

Важно подчеркнуть, что исполнение поминального напева на мелодию свадебной песни свидетельствует о древности напева. По замечанию В.Е. Владыкина и Р.А. Чураковой, в прошлом напев “сюан” не только был связан со свадебной ситуацией, но и нес в себе общее символическое значение напева-символа для каждой конкретной местности, тем самым маркируя переломный момент в жизни, переход к новой фазе существования (Владыкин, Чуракова 2012: 36). Эту информацию подтверждают материалы финского исследователя У. Хольмберга, отмечавшего, что еще в 1911 г. во время этого обряда закамские удмурты использовали свадебные напевы, а при отправлении на кладбище с поминальными дарами пели песни и веселились, олицетворяя собой свадебный поезд (Лаллукка и др. 2014: 111), звенели бубенцами, привязанными к дугам коней (Садиков 2019: 189).

По сведениям Ю. Вихманна и Р.Р. Садикова, в традиции закамских удмуртов некогда бытовал поминальный обряд с жертвоприношением, отправляемый каждые три года (Wichmann 1894: 40; Садиков 2019: 211). Например, в д. Будья Варяш Янаульского р-на РБ, согласно данным Р.Р. Садикова, на кладбище приносили в жертву овцу, мясо которой здесь отваривали, а затем каждая группа съедала свою часть на родовом участке. После этого, собравшись вместе, обходили кладбище под игру на гармонии и исполнение песен (Садиков 2019: 211). Можно предположить, что в описываемой обрядовой ситуации напев исполнялся на свадебный мотив.

Поминальные обряды не воспринимались удмуртами как горестные, наоборот, их проведение означало некий праздник в честь покойных, подчеркивалась особая важность и торжественность мероприятия. Посредством календарных поминок выказывалось почтение к предкам, налаживались добрые, уважительные отношения между живыми и мертвыми.

Тексты похоронно-поминальных обрядов довольно многочисленны, поэтизированы, содержат развернутые философские размышления, выражения горести в связи с утратой родного человека, обращения к умершему или даже от лица умершего.

В настоящее время популярными становятся авторские песни, в том числе эстрадные, на удмуртском и татарском языках или в переводе (с татарского на удмуртский). В д. Андреевка Янаульского р-на РБ исполнители отметили популярность заимствованной авторской татарской песни “Пар алма” (“Пара яблок”) (сл. С. Ахметжановой, муз. З. Хайретдинова): местные удмурты исполняют ее на похоронно-поминальных церемониях — это характерно для современной удмуртской фольклорной традиции. В подобных песнях мотив утраты любимого человека оказывается связанным с мотивом утраты в других жизненных обстоятельствах:



*Алларыма килеп тызлендын(ы) син,  
Кулларында иде пар алма.  
Пар алмадай бигрек татлы булып  
Тышлерыме килеп юрасы(у).  
Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.  
Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.  
Пар алмадай, пар алмадай идэ,  
Ўз кўзләрем тиде, кўресын.  
Пар алмадай бигрек татлы булып,  
Тышләрыма килеп кирәсын.*

*Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.  
Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.*

*Янйм яуа бары салкын кыз(ы)лер  
Бар тыслерне зирге тигезлер.  
Тышләрыма кўрген пар алма дай  
Баксялар(ы)да йырим мин эз(ы)леп.  
Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.  
Ўзылыплер тыште пар ал(ы)макай  
Ятимленеп калды ал(ы)магась.  
Ўзеле бит инде ўзеккеем,  
Ялгызлыктан дэуа булмагась.*

Ты являешься ко мне и снова  
Держа пару яблок на [своих] коленях.  
Каждую ночь ты мне так вот снишься  
Не покидай же ты меня так на заре.  
Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится.  
Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится.  
Парой были мы, как та пара яблок,  
Видно я испортил, сглазил все сам.  
Теперь мы вместе, как пара тех яблочек  
Сладких, лишь когда ты приходишь во сне.

Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится.  
Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится.

Холодные дожди осеннею порой  
Сравнили все с землею, краски и цветы.  
Пару яблок, которые мне приснились,  
По садам гуляю и ищу.  
Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится.  
Потеряв свою пару яблок,  
Опустела, осиротела яблоня та.  
Рвется душа на куски и на части,  
Одиночество ведь не лечится (ПМА 6).

В некоторых случаях в интернете публикуются посты с фотографиями умершего, при этом прикрепляются различные авторские песни; иногда создается видеоролик с фотографиями умершего, на фоне которого звучит песня. Эти видео могут демонстрировать и во время частных поминок по умершему.

Исполнение горестных песен вне похоронно-поминальных обрядов не приветствуется, особенно молодыми людьми. Считается, что эти напевы могут навлечь несчастье, горе и трудную судьбу.

\* \* \*

Проведенное исследование показывает, что обязательной составляющей погребального и поминального ритуалов закамских удмуртов является исполнение похоронно-поминальных песен/напевов. Одного типового напева не существует;

можно выделить несколько характерных напевов, зафиксированных в разных населенных пунктах. Однако в большинстве случаев для сопровождения похоронно-поминальных обрядов используются гостевые напевы, лирические и авторские песни, имеющие непосредственную связь с культурой соседних тюркских народов (татар, башкир, отчасти чувашей). Этот факт можно объяснить тем, что сегодня важен не столько напев как элемент обряда (за исключением напева *лы келян гүй*, сопровождающего проводы костей [жертвенного животного], который уже практически забыт), сколько возможность неприемлемого в других обстоятельствах выражения своих эмоций, мыслей и желаний. Этот феномен музыкальной психологии, по мнению удмуртского этномузыковеда И.М. Нуриевой, объясняется некоторыми типичными чертами удмуртской культуры. В рамках коммуникативного взаимодействия удмурты, как интроверты, обычно избегают открытого выражения своих эмоций: они не склонны к громкому плачу, сильному смеху или широкому жестикулированию (Нуриева 2014: 206). Именно пение в рамках ритуала, являясь средством коммуникации, объединяет людей и создает катарсический/психотерапевтический эффект, устанавливая диалог между мирами. При этом пение не только служит средством коммуникации и самовыражения, но и, выступая в качестве своеобразного оберега, указывает на то, что наша жизнь протекает в тени смерти. Любая песня, включенная в контекст ритуала, получает магическое значение, выступая в виде метафоры речи или завуалированной формы общения с миром мертвых.

### Примечания

<sup>1</sup> В данном случае имеется в виду психофизиологическая реакция человека, а не песенный жанр.

<sup>2</sup> В примере приведен текст с сохранением диалектных особенностей произношения в момент исполнения песни. Ниже дается текст на татарском языке:

*Атлар килә, атлар, атлар,  
Алма чәчкәсен тап-тап шул.  
Сагынганда карар идем  
Тора кар урманларда,  
Сагынганда карар идем  
Тора кар урманларда.*

### Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Новые Татышлы Татышлинского р-на РБ. 2019 г. (информант Ш.Н. Николаева, 1934 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Старый Кызыл-Яр Татышлинского р-на РБ. 2019 г. (информанты: В.Х. Абкадирова, 1961 г.р.; Ф.Т. Галимьянова, 1958 г.р.; З.А. Гилимзянова, 1972 г.р.; Р.Г. Гильмиева, 1948 г.р.; Л.И. Зарипова, 1951 г.р.; Ф.Г. Хазимарданова, 1958 г.р.; К.И. Шуфаева, 1944 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Большекачаково Калтасинского р-на РБ. 2022 г. (информанты: М.Т. Ахмадыршина, 1957 г.р., Т.Г. Ахметгараева Таслима, 1958 г.р., И.Ю. Вагапова, 1958 г.р., А.Н. Набиева, 1932 г.р., А.Г. Насипуллин, 1951 г.р., С.С. Суфиярова, 1958 г.р., Е.Б. Тимирханова, 1959 г.р., И.В. Тимирханова, 1972 г.р., Р.Х. Тимиршина, 1956 г.р., К.А. Шакирова, 1939 г.р.)

- ПМА 4 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Каймашабаш Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: С.М. Бадамшина, 1960 г.р.; Р.М. Бадретдинова, 1963 г.р.; Г.Д. Байназарова, 1964 г.р.; А.М. Богданова 1958 г.р.; А.М. Шабутдинова, 1955 г.р.).
- ПМА 5 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Шудек Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: Л.Г. Байдуллина, 1953 г.р.; Н.Б. Валиева, 1952 г.р.; Р.М. Гараева, 1948 г.р.; Г.М. Касфатова, 1940 г.р.; З.М. Удавихина, 1962 г.р.; Н.С. Уразметова, 1953 г.р.; А.Г. Уракбаева, 1949 г.р.).
- ПМА 6 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Андреевка Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: М.Г. Байдуллина, 1946 г.р.; А.Г. Валиева, 1941 г.р.; Р.Р. Гафиуллина, 1980 г.р.; А.Г. Гафиуллина, 1958 г.р.; Ф.К. Гафиуллина, 1957 г.р.; Ф.С. Гаязова, 1962 г.р.; Р.Г. Марданова, 1958 г.р.; Х.А. Марданова, 1953 г.р.; Ф.Г. Миндиярова, 1963 г.р.; З.А. Назмутдинова, 1950 г.р.; А.Н. Петрова, 1963 г.р.).
- ПМА 7 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Старокальмиерово Татышлинского р-на РБ. 2022 г. (информанты: С.Б. Ахметзянова, 1974 г.р.; Н.С. Гильманшина, 1959 г.р.; Ж.Н. Иванова, 1979 г.р.; И.С. Шайсламова, 1971 г.р.).
- ПМА 8 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Петропавловка Татышлинского р-на РБ. 2023 г. (информанты: И.С. Шайсламова, 1971 г.р.; И.Т. Шайсламова, 1957 г.р.).
- ПМА 9 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Уразгильды Татышлинского р-на РБ. 2023 г. (информанты: А.Т. Байдуллина, 1971 г.р.; З.М. Риянова, 1964 г.р.).
- ПМА 10 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Каймашабаш Янаульского р-на РБ. 2023 г. (информант Б.И. Тимеркаева, 1938 г.р.).
- НА УИИЯЛ 1 – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. МК 49-3. Ст. А 14. Экспедиция в с. Шудек Янаульского р-на РБ. 1982 г. Состав: В.Е. Владыкин, Т.Г. Перевозчикова (информант А.Г. Баширова, 1926 г.р.).
- НА УИИЯЛ 2 – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. МК 74-3(2). В 9. Экспедиция в д. Байшады Бураевского р-на РБ. 1991 г. Состав: И.М. Нуриева (информант Р.Б. Мазитова, 1918 г.р.).
- Wichmann* 1894 – *Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskon. menoista y.m. // Suomalais-Ugrilainen Seuran Tutkimusarkisto. Kotelo 727. 1894.*

### Научная литература

- Анисимов Н.В.* Весенние поминки *тулыс кисьтон* закамских удмуртов: современное бытование традиции // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 166–186.
- Атаманов М.Г.* Из истории формирования закамской группы южных удмуртов // Вордскем кыл. 2004. № 1. С. 79–90.
- Атаманов М.Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005.



- Бочкарева М.* Песенная культура закамских удмуртов. Диплом. работа. Казанская государственная консерватория, Казань, 2020.
- Владыкин В.Е., Чуракова Р.А.* Обряд “Йыр-пыд сётон” в поминальном ритуале удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 27–41.
- Камалтдинова А.В.* Допесенное и песенное интонирование в музыкальном фольклоре закамских удмуртов (методика нотировки звукозаписей). Диплом. работа. Удмуртский государственный университет, Ижевск, 2007.
- Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртский университет, 2006.
- Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007.
- Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Лаллукка С., Миннихметова Т.Г., Садилов Р.Р.* (ред.) Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмбергера 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurttien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913) / Ред. С. Лаллукки, Т.Г. Миннихметовой, Р.Р. Садилова. СПб.: Европейский дом, 2014.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка: Н.А. Огородников и К., 1901.
- Миннихметова Т.Г.* Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья / Отв. ред. Т.Г. Владыкина, Л.С. Христолюбова. Ижевск: УИИЯЛ, 1989. С. 128–139.
- Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Миннихметова Т.Г.* Поминальные обряды закамских удмуртов // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия. Материалы научной конференции (Международная летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.) / Отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 84–95.
- Миннихметова Т.* Традиционные обряды закамских удмуртов. Структура. Семантика. Фольклор. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.
- Насибуллин Р.Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тартусский государственный университет, Тарту, 1972.
- Никитина Г.А.* Закамские удмурты: общее и особенное // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 42–50.
- Нуриева И.М.* Закамские удмурты: традиция парадоксов (этномузыковедческий этюд) // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 150–158.
- Нуриева И.М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования. Дис. ... д-ра искусствоведения. Государственный институт искусствознания, Ижевск, 2014.
- Пчеловодова И.В., Анисимов Н.В.* Песенная традиция закамских удмуртов: история собирания и изучения // Государственность Удмуртии: историко-культурные практики и стратегии современного развития: сборник статей по материалам Международного научно-практического форума “100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития” (Ижевск, 15 октября 2020 г.). Т. 2. Ч. 1. Ижевск: МарШак, 2020. С. 71–80.

- Пчеловодова И.В., Анисимов Н.В. Песенный фольклор закамских удмуртов в контексте весеннего обрядового комплекса *Быдзыннал* // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. Т. 13. № 2. С. 84–97.
- Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001.
- Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008.
- Садиков Р.Р. Похоронная и поминальная обрядность закамских удмуртов (по полевым материалам) // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1 / Сост., отв. ред. Ф.Г. Галиева. Уфа: Диалог, 2017. С. 173–194.
- Садиков Р.Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019.
- Смирнова Е.В., Бочкарева М.В. Песенная традиция закамских удмуртов (по результатам полевых экспедиций 2017–2018 годов) // Музыка. Искусство, наука, практика. 2020. № 4 (32). С. 59–74.
- Тараканов И.В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Дис. ... канд. филол. наук. Тартуский государственный университет, Тарту, 1958. <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/db1905ca-6654-4c50-9bd6-07ff8fc3e9cf/content>
- Христолюбова Л.С., Миннихметова Т.Г. Удмурты Башкортостана. История, культура, современность. Уфа: РЦНТ, 1994.
- Черных А.В. Буйские удмурты: этнографический очерк. Пермь: Пермский областной творческий центр, 1995.
- Vikár L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

## Research Article

Anisimov, N.V., and I.V. Pchelovodova. Musical-Song Folklore in the Context of Funeral-Memorial Tradition of the Eastern Udmurts [Myzykal'no-pesennyi folklor v kontekste pohoronno-pominal'noi traditsii zakamskikh udmurtov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 1, pp. 194–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Nikolai Anisimov | <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562> | [kyldysin@yandex.ru](mailto:kyldysin@yandex.ru) | Estonian Literary Museum (42 Vanemuise Str., 51003, Tartu, Estonia) | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova Str., 426004, Izhevsk, Russia)

Irina Pchelovodova | <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100> | [orimush@mail.ru](mailto:orimush@mail.ru) | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova Str., 426004, Izhevsk, Russia)

## Keywords

Eastern Udmurts, ancestor worship, funeral-memorial rituals, communication, world of the dead, song folklore, funeral-memorial songs

## Abstract

The article examines the musical and song folklore of the Eastern Udmurts in the context of the culture of funeral and memorial rites. Drawing both on the archival and field data, we discuss the functions, symbolism, terminologies, as well as musical and poetical aspects of songs and melodies performed during funeral and commemoration rites. The sources that we explored point to the strong influence of the neighboring Turkic musical culture. We argue that there is not a single basic tune or melody that could be considered as typical for the funeral and commemorative culture of the Eastern Udmurts; rather, one can speak of a variety of local tunes and melodies. There are both welcome songs and lyrical or folk songs that are frequently performed during the rites. The latter, in their musical aspects, are usually close to the folk culture of neighboring Turkic peoples, such as the Tatar, Bashkir, or perhaps sometimes Chuvash. The presence of lyrical songs in the ritual contexts is due to the fact that those let the rite participants express much stronger emotions, which may be considered excessive and unnecessary in everyday life. The study confirms the assumption that songs in funeral and commemoration rites function as a medium for communication in the sacral dialog between the worlds.

## References

- Anisimov, N.V. 2022. Vesennie pominki *tulys kis'ton* zakamskikh udmurtov: sovremennoe bytovanie traditsii [The *Tulys Kis'ton* Spring Commemorations of the Dead among the Eastern Udmurt: Modern Living of a Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 166–186. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050098>
- Atamanov, M.G. 2004. Iz istorii formirovaniia zakamskoi gruppy yuzhnykh udmurtov [From the History of the Formation of the Eastern Group of Southern Udmurts]. *Vordskem kyl* 1: 79–90.
- Atamanov, M.G. 2005. *Ot Dondykara do Ursygurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursygurt: A History of the Udmurt Regions]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Bochkareva, M. 2020. Pesennaia kul'tura zakamskikh udmurtov [The Song Culture of the Eastern Udmurts]. MA Thesis. Kazanskaia gosudarstvennaia konservatoriia, Kazan'.
- Chernykh, A.V. 1995. *Buiskie udmurty: etnograficheskii ocherk* [Bui Udmurts: Ethnographic Sketch]. Perm': Permskii oblastnoi tvorcheskii tsentr.
- Kamaltdinova, A.V. 2007. Dopesennoe i pesennoe intonirovanie v muzykal'nom fol'klоре zakamskikh udmurtov (metodika notirovki zvukozapisei) [Pre-Song and Song Intonation in the Musical Folklore of Eastern Udmurts (Methodology of Transcribing Sound Recordings)]. Graduate Thesis. Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, Izhevsk.
- Kelmakov, V.K. 2006. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: uchebnoe posobie dlia vysshikh uchebnykh zavedenii* [Brief Course in Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Education Institutions]. Izhevsk: Udmurtskii universitet.
- Khristolubova, L.S., and T.G. Minniakhmetova. 1994. *Udmurty Bashkortostana. Istoriia, kul'tura, sovremennost'* [Udmurts of Bashkortostan: History, Culture, Contemporary Life]. Ufa: RTSNT.
- Kondratiev, M.G. 2007. *Chuvashskaia muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniia sovremennogo professionalizma* [Chuvash Music: From Mythological Times to the Emergence of Modern Professionalism]. Moscow: PER SE.
- Kosareva, I.A. 2000. *Traditsionnaia zhenskaia odezhda periferiinykh grupp udmurtov (kosinskoi, slobodskoi, kukmorskoii, shoshminskoi, zakamskoi) v kontse XIX – nachale XX v.* [Traditional Women's Clothing of Peripheral Groups of Udmurts (Kosinsky, Slobodsky, Kukmorsky, Shoshminsky, Eastern) at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.

- Lallukka, S., T.G. Minniyakhmetova, and R.R. Sadikov, eds. 2014. *Puteshestviia k udmurtam i mariitsam. Pis'ma Uno Khol'mberga 1911 i 1913 gg.* [Travel to the Udmurt and the Mari: Uno Holmberg's Correspondence 1911 and 1913]. St. Petersburg: Evropeiskii dom.
- Luppov, P.N. 1901. *Khristianstvo u votiakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka* [Christianity Among the Votyaks from the Earliest Historical Records to the 19th Century]. Viatka: N.A. Ogorodnikov i K.
- Minniakhmetova, T.G. 1989. Rol' etnicheskoi sredy v formirovanii pesennogo repertuara derevni [The Role of the Ethnic Environment in Shaping the Song Repertoire of a Village]. In *Fol'klor i etnografiia udmurtov: obriady, obychai, pover'ia* [Folklore and Ethnography of the Udmurts: Rituals, Customs, Beliefs], edited by T.G. Vladykina and L.S. Khristolubova, 128–139. Izhevsk: UIIIaL.
- Minniakhmetova, T.G. 2000. *Kalendarnye obriady zakamskikh udmurtov* [The Eastern Udmurt's Calendar Rituals]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Minniakhmetova, T.G. 2001. Pominal'nye obriady zakamskikh udmurtov [The Eastern Udmurt's Commemorative Rituals]. In *Finno-ugorskaia fol'kloristika na poroge novogo tysiacheletii* [Finno-Ugric Folkloristics on the Doorstep of the New Millennium: Conference Materials], edited by T.G. Vladykina, 84–95. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Minniakhmetova, T. 2003. *Traditsionnye obriady zakamskikh udmurtov. Struktura. Semantika. Fol'klor* [The Eastern Udmurt's Traditional Rituals: Structure, Semantics, Folklore]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Nasibullin, R.S. 1972. Zakamskie govory udmurtskogo yazyka [The Eastern Dialects of the Udmurt Language]. PhD diss., University of Tartu.
- Nikitina, G.A. 2016. Zakamskie udmurty: obshchee i osobennoe [Eastern Udmurts: Commonalities and Uniqueness]. *Finno-ugorskii mir* 2: 42–50.
- Nurieva, I.M. 2013. Zakamskie udmurty: traditsiia paradoksov (etnomuzykovedcheskii etiud) [Eastern Udmurts: Tradition of Paradoxes (Ethnomusicological Study)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 150–158.
- Nurieva, I.M. 2014. *Udmurtskaia muzykal'no-pesennaia traditsiia: spetsifika zhanroobrazovaniia i funktsionirovaniia* [The Udmurt Musical-Song Tradition: Specifics of Genre Formation and Functioning]. PhD diss., State Institute of Art Studies, Izhevsk.
- Pchelovodova, I.V., and N.V. Anisimov. 2020. Pesennaia traditsiia zakamskikh udmurtov: istoriia sobiraniia i izucheniia [The Song Tradition of the Eastern Udmurts: History of Collection and Study]. In *Gosudarstvennost' Udmurtii: istoriko-kul'turnye praktiki i strategii sovremennogo razvitiia* [The Statehood of Udmurtia: Historical-Cultural Practices and Strategies of Modern Development], 2 (1): 71–80. Izhevsk: MarShak.
- Pchelovodova, I.V., and N.V. Anisimov. 2022. Pesennyi fol'klor zakamskikh udmurtov v kontekste vesennego obriadovogo kompleksa Byd'zhynnal [The Song Folklore of the Eastern Udmurts in the Context of the Spring Ritual Complex 'Byd'zhynnal']. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ia* 13 (2): 84–97.
- Sadikov, R.R. 2001. *Poseleniia i zhilishcha zakamskikh udmurtov (materialnyi i dukhovnyi aspekty)* [The Eastern Udmurt's Settlements and Dwellings (Material and Spiritual Aspects)]. Ufa: Gilem.
- Sadikov, R.R. 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia)* [Traditional Religious Beliefs and

- Rituals of the Eastern Udmurts (History and Modern Trends of Development)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovaniy UNTs RAN.
- Sadikov, R.R. 2017. Pokhoronnaia i pominal'naia obriadnost' zakamskikh udmurtov (po polevym materialam) [The Eastern Udmurt's Funeral and Commemorative Rituals (Based on Fieldwork)]. In *Dokumenty i materialy po istorii i etnografii narodov Yuzhnogo Urala* [Documents and Materials on the Southern Ural Peoples' History and Ethnography], edited by F.G. Galieva, 1: 173–194. Ufa: Dialog.
- Sadikov, R.R. 2019. *Traditsionnaia religiia zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremennost')* [The Traditional Religion of the Eastern Udmurt (History and Contemporary Situation)]. Ufa: Pervaia tipografiia.
- Smirnova, E.V., and M.V. Bochkareva. 2020. Pesennaia traditsiia zakamskikh udmurtov (po rezul'tatam polevykh ekspeditsii 2017–2018 godov) [The Song Tradition of the Eastern Udmurts (Based on the Results of Field Expeditions in 2017–2018)]. *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika* 4 (32): 59–74.
- Tarakanov, I.V. 1958. Foneticheskie osobennosti bavlinskogo dialekta udmurtskogo iazyka (v svete eksperimental'nykh dannykh) [Phonetic Features of the Bavly Dialect of the Udmurt Language (in Light of Experimental Data)]. PhD dis. Tartusskii gosudarstvennyi universitet. <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/db1905ca-6654-4c50-9bd6-07ff8fc3e9cf/content>
- Vikár, L., and G. Bereczki. 1989. *Votyak Folksongs*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Vladykin, V.E., and R.A. Churakova. 2012. Obriad “Iyr-pyd seton” v pominal'nom rituale udmurtov [The Ritual of “Yyr-pyd seton” in the Memorial Rite of the Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* 3: 27–41.